

МАКСИМ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОНОВ

Максим Григорьевич Антонов в год нашей встречи (1928) — крестьянин, 59 лет, из д. Усть—Низема Лешуконского района, обремененный большой семьей, в которой большинство детей были еще малолетками. Из года в год каждое лето с весны жил Максим Григорьевич в пастухах — стерег овец, зимой надолго уходил в лес на охотничий промысел.

Максим Григорьевич — хорошо грамотный и бывалый человек. Как многие мезенцы, жившие у реки, знавшие море и рыболовный промысел, он отбывал военную службу во флоте. За все время службы ему пришлось 36 месяцев пробыть в плавании. В 1892 г. он совершил кругосветное путешествие, длившееся 9½ месяцев. Побывал в Англии, Испании, Южной Америке, в США, в последних — во время всемирной выставки. Еще до плавания кончил специальные курсы морского дела и по возвращении в Кронштадт назначен был инструктором для новобранцев. Но на сверхсрочной службе не остался, несмотря на все уговоры.

— «Охотник я, с малых лет любил лес. В лесу живу, сам себе барин. Месяца по два в лесу живу. Только за этим и вернулся». Так пояснял Максим Григорьевич свое возвращение из культурного центра в лесную глушь далекого Мезенского края. Глубоким чувством дышало каждое слово Максима Григорьевича о природе.

«Как снега—то весной сойдут, лес как с тобой заговорит!» Несомненно, не только одна нужда, но и глубокая любовь к природе привела его к положению «баличьего» (овечьего) пастуха. Все лето Максим Григорьевич проводил в крошечной избушке—землянке на самом берегу р. Мезени в нескольких километрах выше родной деревни. На обширном зеленом лугу, вдали окаймленном кустарником, переходящим в лес, паслась его «скотинка», как он ласково называл своих «балек». В землянке, чистой и уютной, посыпанной желтым песком и

выложенной свежей хвоей, и были в течение двух дней произведены записи публикуемых былин.

Сам Максим Григорьевич маленького роста, но складно сложенный, голубоглазый, с светлыми волосами и бородой, тогда еще нигде не тронутый сединой,

161

приветливый и словоохотливый. От всего его облика, от его простоты и сердечности осталось впечатление исключительного обаяния. Он горячо был привязан к своей семье и с гордостью и нежностью говорил мне особенно о своем младшем двухлетнем Володе, которого он в честь Левина называл любовно «Владимиром Ильичом». Перечислив мне своих детей, он прибавил, вспомнив былинное изображение похвальбы на пиру: «Вот хвастаю ребятишками».

Максим Григорьевич оказался большим мастером в области былины, одним из самых выдающихся современных сказителей. К сожалению, по причине своей связанности общим плавом большой комплексной искусствоведческой экспедиции я не смогла исчерпать весь его репертуар. Кроме записанных 8 былин, он, по его словам, звал еще, но «не стариной, а рассказом», про Алешу Поповича и Тугарина Змеевича, про Добрыню и Змея Горыныча и про Святогора. Возможно, что если бы мне удалось пробыть с Максимом Григорьевичем дольше, он бы еще вспомнил какие—нибудь былины.

Кроме былин он знал еще духовные стихи и сказки. Из стихов от него записаны «Об Егории храбром» и «О Лазаре», но он знал еще про Алексея—человека божьего, стих о «Голубиной книге» и про Николая чудотворца. Из сказок им самим названы были следующие: 1) о Петре и солдате, 2) о Бове («плохо»), 3) о морском чуде, 4) Иван купецкий сын и Марфа прекрасная, 5) Кощей бессмертный, 6) об Иване—царевиче, Жар—птице и Елене прекрасной, 7) Незнаюшко, 8) Мраморное царство, 9) Еруслан Лазаревич, 10) Франц Венециан.

Былинам Максим Григорьевич научился еще маленьким от своей матери — Зиновии Егоровны из

д. Засулья, она же от отца своего Егора Никифоровича. Семейная традиция со стороны матери Антонова прослеживается и глубже: прадед ее «старик Филатка», который по преданию сам «не хуже богатырей этих был», тоже являлся сказителем.

Кроме Максима Григорьевича, былины знал и его родной брат Никифор, умерший за несколько месяцев до приезда экспедиции. Максиму Григорьевичу приходилось исполнять былины и во время своей флотской службы, в плавании, в кают—компании, куда его не раз зазывали.

Тексты Максима Григорьевича, за исключением забытой им былины о Потыке, принадлежат к числу лучших мезенских вариантов и являются образцами превосходного классического былинного стиля с соблюдением всей эпической обрядности. Кроме того, они отличаются большим своеобразием. Характеристика этого замечательного современного сказителя дана в статье (стр. 81). Здесь укажем еще в дополнение, что былины передавались им с большим увлечением, сказывание часто прерывалось поясняющими примечаниями. Все былины М.Г. Антонов пел, варьируя свои напевы в темпе (основных у него два) в соответствии с ритмическим строем стиха. На один мотив он исполнял «Подсокольника», «Василия Буслаевича» «Дуная» и «Потыка», на другой — «Чурилу», «Поход на Корсунь», былину «Добрыня и Маринка».

Тексты Максим Григорьевич мог передать «пословесно», причем больших различий между сказанным и спетым текстом нет. Когда пел былины, слегка качал головой и делал небольшое движение в такт пению правой рукой, вооруженной его любимой трубочкой, с которой никогда не расставался. В своей деревне, как старинщик, Максим Григорьевич был хорошо известен.

11

ПОДСОКОЛЬНИК

- На горах ли горах ли да на юкатистых,
На крутых горах да на желтых песках,
Да там стоял шатёр нов белополотняной,
Да как во том шатре новом белополотненном
5 Тут стояли могуции боһатыри.
Да берегли—стерегли стольне Киев град,
Да стольне Киев град,
Да славной Киев град,
Да стольнѣ—киевской.
- 10 Да во первых—то был здесь старой козак,
Да стар козак да Илья Муромец,
Да Илья Муромец да сын Иванович.
Во вторых—ти был Добрыня Никитич млад,
Да как во третьих был Олёша Попович же,
15 Как ведь был Саксон да Колыбановых,
Как ведь было два брата да два Суздальця,
Как ведь был с има мужик с ими Залешинен.
Как стояли они да под городом тридцетъ лет,
Не видали зверя прохожего,
20 Да ясна сокола пролетучего.
Как на утре—то было нонь ранешенько,
Да на светлой зори да ранней утренней,
На выкате солнышка красного,
Как вставал—то стар со постелюшки,
25 Да юмывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотённышком он беленьким,
Да помолился спасу он превышному,
Да божьей матушки да боһородицы,

163

- Выходил—то на улицу широкою,
30 Да он смотрел и здрел во все стороны.
Да посмотрел под сторону под летнюю,
— Там стоят озѣра всё глубокия,
Да пролегги—то лужка да всё зеленя;
Посмотрел под сторону да под западну, —
35 Да там белеют церкви да всё соборныя,

- Да ищѣ слышно звоны колокольные;
 Посмотрел под сторону под северну, —
 Да там не туценоцка, братцы, затучила,
 Да как не облако ле нокатилоси,
 40 Да как не в копоти в тумане зверь бежит,
 Да не знать зверь бежит да знать сокол летит.
 Да впереди—то бежит да серой волк,
 Да позади бежит да вохрабейщина.
 Да как Сокольник едет потешаитця,
 45 Да под конём змея да извиваетце,
 Да у коня хвост трубами завиваетце,
 Да из ушей у коня да дым столбом валит,
 Да как из глаз у коня искры сыплютси,
 Из ноздрей у коня да пламё мецетця.
 50 Да на правом плещу да сидит млад ясен сокол,
 А на левом плещу да млада кречета
 (*Нечиста така птица*).
 Да голова у него да как пивной котёл,
 Да как глаза у него да как пивны чаши,
 Да промежу ушами калена стрела,
 55 Да промежу глазами пядь бумажныя,
 Плещи была у его косая сажень,
 Косая сажень да ведь пецатная.
 Впереди сам стрелочку выстрелива—т,
 А на подъезде стрелочку подхватыва—т,
 60 До земли стрелу не выранивал,
 Да к им на заставу не провёртывал,
 Проездивой дорожецьки не спрашивал,
 А и сам из слов порату выхваляетця:
 «Когда буду во городе во Киеве,
 65 Да самого князі я голову срублю,
 А кнегину Апраксею за себя возьму,
 Да малых детоцек да тех конём стопчу,
- 164
- Да уж ведь божьи церкви те под дым спущу,
 Да чудны образы все копьём повыколою»
 (*Разорить хочет!*)
 70 Забегал тут стар да во белой шатёр.

Да не успел он слова нонь провымолвить,
Да пролетела поленица злаудалая.
Да говорит тут стар да таково слово:
«Да не докуль вам спать да пора ставать!»
75 Я уж был на улице широкоюй,
Я смотрел и зрел во все четыре стороны,
Посмотрел под сторону под летнюю, —
— Там стоят озёра всё глубокия,
Да пролегли лужка да всё зеленые;
80 Посмотрел под сторону под западну, —
Да там белеют церкви всё соборные,
Да еще слышны звоны колокольные;
Посмотрел под сторону под северну, —
— Там не тученька, братцы, затуцилась,
85 Да как не облако да накотилоси,
В копоты в тумане не знать зверь бежит,
Да не знать зверь бежит, не знать сокол летит,
Да впереди—то бежит да ище серый волк,
Позади бежит да вохрабейщина.
90 Да как Сокольник едет потешаитце,
Да под конём змея да извиваетце,
У коня хвост трубами завиваетця,
Как из ушей у коня да дым столбом валит,
Как из глаз у коня да искры сыплются,
95 Да из ноздрей у коня да пламё мёцитсе.
Да на правом плещу да сидит млад ясен сокол,
А на левом плещу да птица кречета.
Да голова у него да как пивной котёл,
Да как глаза у него да как пивны чаши,
100 Да промежу ушами калена стрела,
Да промежу глазами пядь бумажныя,
Плещи были у его косая сажень,
Косая сажень да ведь печатная.
Впереди сам стрелочку выстрелива—т,
105 А на подъезде стрелочку подхватыва—т,
До земли стрелу не выранивал,

Да к нам на заставу не провёртывал,

- Проездивой дорожецьки не спрашивал,
Уж и сам порату выхваляетця:
- 110 «Да когда буду во городе во Кieve,
Самого князі голову срублю,
Да как кнегину Апраксею за себя возьму,
Да малых детоцек тех конём стопцю,
Уж ведь божьи церкви все под дым спущу,
115 Да чудны образы копьём повыколю».
- Да кого послать да позади за ей?
Да послать—то Олёшу ведь Поповиця,
Да тот вить порату загрезовый был,
Забредёт Олёша не в свою ровню,
- 120 Да потерят Олёша буйну голову.
Как послать Саксона Колыбановых,
Да уж тот ведь родов—то всё соньливых,
Он ведь легет спать да нонь забудёт встать.
Как послать Добрынюшку Никитиця:
- 125 Да как умет Добрыня в поле съехатьсье,
Да как умет Добрыня прирозъехатьсьи,
Да как умет Добрыня паленицы цесь воздать».
- Говорит Добрыня таково слово:
«Да уж едет ведь палениця уж ведь не мне цета,
130 Да как не мне цета и не мне верста,
Мне уж с им не супротивитьсьи».
- Как Добрыня стал да срежатися,
Стал срежатися да сподоблетися,
Надеват—то латы он булатныйи,
135 На шею кольцугу позолочену.
Да он берёт—то палицю железную,
Да он берёт—то сабельку вострую,
Да он берёт копьё то бурзамецкое,
Да он берёт ножищо да чинжалищо.
- 140 Как обседлыват ему да добра коні,
Да кладут войлоцки кладут на войлоцки,
Да кладут плотницки кладут на плотницки,
Да двенадцеть пряж через хребетницу,
Как тринадцета церез могуцу степ,
145 Да это не ради басы, а ради крепости:

Не оставил бы конь да на чистом поли.

166

Помолился спасу он превышному,
Да божьей матушки да бохородицы,

Да они дружка с дружкой распростилися.¹

150 Только видели да на коня скочил,
На коня скочил да в стремя вступил,
Да как не видели побежки лошадиныя,
А не видели поездки бохатырския

(Как птица улетел!).

Да он и бьёт коня да по тучным бедрам,

155 Сам коню да приговариват

«Да уж ты конь да конь да лошадь добрая,
Да ты волчья сыть да травяной мешок!
Да догоняй того поганого Сокольника
До того до города до Киева,

160 Скаци с шёлумя скаци на шёлумя,

Ты с крутых—то гор да на желты пески,
Да ты с желтых песков да на круты горы,
Быстры реценьки да не застаивай,
Да уж ты мелкий лес да между ног пусти».

165 А Сокольник в поле уж шатается,

Не знать кого он дожидается.

Как скрычал Добрыня громким голосом,
Зычным голосом да во всю голову,

Да он ведь он раз вскрычал да он в другой
вскричал,

170 А на третий раз Сокольник коня сдержал.

Да засвистел Сокольник по соловьиному,
Да запрыскал Сокольник по змеиному,

¹ После 149 стиха в первоначальной словесной передаче следовало:

Говорит тут стар да таково слово:

«Ты гой еси, Добрыня Никитич клад,

Если бох тебе да будет нўпомощ,

Привези Сокольника да буяну голову

На востром копье,

Мы хоть здесь над ней погалимси».

Да у Добрыни конь стал подпинатиси,
А Добрыня на коне чуть жив сидит.
175 Отворачивал он добра коня,
Да ведь он бьёт коня нынче безвременно:
«Да уж ты конь—то конь да лошадь добрая,
Унеси от поганого Сокольника!»

167

Да приезжат Добрыня ко белу шатру,
180 Да как встречают тут русский бохатыри,
Да говорит тут стар да таково слово:
«Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
Почему не привёз буйну голову на востром копьё?
Говорит Добрыня таковы слова:¹
185 «Уж едет паленица не мне чета,
Не мне чета и не мне верста,
Как уж мне ведь с ним не супротивитьця».
Как могучи плеча расходилиси,
Да ретиво серце да разгорелоси,
190 Из глаз—то слезы прокатилиси:
«Верно некем мне старому заменитиси!»
А скорешенько да стал срежатиси,
Да стал срежатиси да сподоблятиси,
Да надеват—то латы он булатныя,
195 Да как на шею кольцугу позолочену,
Он берёт—то палицу железную,
Да он берёт—то сабельку нонь вострую,
Да он берёт копьё да бураамецкое,
Да он берёт ножищо нонь чинжалищо.
200 Ему обседльват ноньце добра коня,
Да кладут войлоцки кладут на войлоцки,
Двенадцеть пряж через хребетницу,
Тринадцета через могучу степ,
Это не ради красы да ради крепости,
205 Да не оставил конь на чистом поли.
Помолилса спасу он превышному,

¹ Первоначальный вариант этого стиха при словесной передаче:
«Добрынюша слззно плачется».

Да божьей матушки да боґородицы.
Да оне ведь дружка с дружкой распростилиси,
Да только видели — да на коня скопил,
210 Да на коня скопил да в стремяна ступил,
Как не видели да побезки лошадиной,
Как не видели поездки боґатырской.
Как он ведь бьёт коня ноньче безвременно:
«Да уж ты конь—то конь да лошадь добрая!»
215 Догоняй поґаного Сокольника
До того до города до Киёва.

168

Да скаци с шёлумя скаци на шёлумя,
Ты с крутых—то гор да на желты пески,
Да ты с желтых песков да на круты горы,
220 Да быстры реценьки да не застаивай,
Как широкие доли хвостом застилай,
Как мелкой лес промёж ног пусти».¹
Как Сокольник в поли уж щатаетце,
Да как не знать кого он дожидаетцы.
225 Закрычал тут стар да громким голосом,
Да громким голосом да во всю голову.
Да он ведь раз вскрычал, да он другой вскрычал»
Как на третий раз Сокольник коня сдержал,
Засвистел Сокольник по соловьиному,
230 Да запрыскал Сокольник по змеиному.
Как от того свиста соловьиного,
От того прысканья змеиного
У старого конь пал наокорочь.
Говорит тут стар да таково слово:
235 «Уж ты конь да конь да лошадь добрая!
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал или прысканья змеиного,
Али слышишь ты надо мной каку невзгодушку?»
От того от крыку боґатырского,

¹ Первоначальный вариант этого стиха при словесной передаче:
«Уж мелки то озёра промез ног пушай».

240 Лес весь в поле зашатался, вершины с вершиной
сплетались,

Звери в норы попрятались.²

Говорит Сокольник таково слово:

«Мы таперь со старым съехались,

По добру нам будет не разъехаться».

245 Вот стал отпущать он от себя зверей:

«Уж ты гой еси, серой как волк!

Поди—тко ты ко синю морю,

Ищи там хозяина поласковой,

Да как поласковой да и поприятливей.

250 Ты поиди ко, змея, ко синю морю,

Да там ищи хозяина поласковой,

Да как поласковой да поприятливей.

169

Да ты полети, сокол, ко синю морю,

Да там ищи хозяина поласковой,

255 Да как поласковой да и поприятливей:

Как топерь мы с старым съехались,

По добру нам с старым не розъехаться».

Да ведь тут он с им съехались.

Они бились палками железныма,

260 Да как по рукояткам палки поломалися,

Да друг дружку не ранили,

Не ранили и не кровавили.

Тот бой бросали о землю,

Они секли саблями вострыма,

265 Да как сабли все поломалися,

Да поломалися и пощорбалися,

Да они дружка дружку не ранили,

Как не ранили да не кровавили.

Да они тот бой бросали ведь о землю,

270 Они тыкались копьями немецкима,

По насадкам копья у них поломалися,

Поломалися и выверталися,

Дружка дружку не ранили,

² Стихи 240—241 были не спеты, а сказаны.

Как не ранили да не кровавили.
275 Да уж ведь тот бой бросали о землю,
Они слезли нонь да со добрых коней,
Они стали биться нарукопашицю.
У того Сокольника поганого
Да была подщяпоцка дворянская,
280 Да он ведь сшиб—то старого со резвых—то ног,
Как ведь падал стар на сыру землю,
Да как заскакивал Сокольник на белы груди,
За волосья рвёт да и во глаза плюёт:
«Да не докуль тебе старому по цисту полю да
волоцитиси».

285 Он росстёгиват латы булатныи,
Да вынимат ножицо нонь чинжалищю,
Да ведь он хочет пороть у старого груди белыя,
Да как смотреть он—то его ретиво сердцё.
Да взмолилса стар да матушки,
290 Божьей матери да боһородицы:
«Уж ты, матушка пресвета ты мать боһородиця!»

170

Да как стоял я за церкви божия,
Да за ту за веру православную,
А ты сдала меня поһаному Издолищю на изгиленье,
295 Да как серым волкам на растарзаньё,
Чёрным воронам да нонь на курканье».

Да нонь вдруг стар в себе да почувствовал
Вдвоём, втроём силы прибыло.¹
Он вывёртывалса из—под Сокольника,
300 Да он хватал—то он его за черны кудри,
Да он бросал его—то он о сыру землю,
Да как все ведь мелкии суставы повыдробил.
Да заскакивал ему на черны груди,
Он росстёгивал латы булатныи,
305 Вынимал ножицо он чинжалищю,
Как ведь хочет пороть ему груди чёрныя,
Да ведь смотреть—то его ретиво сердцё.

¹ Стихи 297—298 сказаны словами.

Замахнулса стар да во первой након —
В плещю рука да устояласи.

310 Он стал его допрашивать:

«Ты какого роду, коего племени,
Ты какого отца, коей матери?»

А говорит Сокольник таково слово:

«Когда я был таперича на твоих грудѣх,

315 Я не спрашивал ни роду ни племени,

Не отецесьва, не молодецесьва,

Да я порол бы у тебя груди белыя,

Смотрел бы у тебя ретиво серцё».

Замахнул тут старый во второй након —

320 Во локтю рука да устояласи.

Тут—то опять стар стал допрашивать:

«Ты какого рода, коего племени,

Ты какого отца, коей матери?»

Говорит Сокольник таково слово:

325 «Когда я был таперича на твоих грудѣх,

Я не спрашивал ни роду ни племени,

Не отецесьва, не молодецесьва,

Да я порол бы у тебя груди белыя,

Да я бы смотрел у тебя ретиво серцё».

171

330 Замахнулса старый во третьей након —

В кисти рука да устояласи

(Нож совсем вытал).

Тут опять стал допрашивать:

«Ты какого рода, коего племени,

Ты какого отца, коей матери?»

335 Говорит Сокольник таковы слова:

«Как ты стал ведь меня допрашивать,

Да как допрашивать да стал выведывать.

Я от того от морю от синего,

Да от той от девки от Ватыгорки.

340 Поеждял да когда да во чисто поле,

Говорила мне родна матушка:

Не наедешь ли на русского на казака

На Илью Муромца,

- Он как будет тебе отец».¹
345 Он и поднял его с сырой земли и поцеловал:
«Ты будешь мне не поклёпный сын».
Посадил его на добра коня,
А он уж не может и конём владать.
Вот они тут и розъехались.
- 350 Сокольник поехал ко синю морю,
А старый казак ко белу шатру.
Приезжал старый во белой шатёр,
А русские бохатыри уехали,
Вот он ложилса отдыхать.²
- 355 Приезжает Сокольник ко синю морю,
Да встречает его родна матушка;
«Да уж ты не наехал ли на стараго на казака?
Говорит Сокольник таково слово:³
«Да он тебя зовёт своей наложницей,
360 Да меня зовёт своим выб.».
Тут он и сколол матушку копьём.⁴
Поворачивал он добра коні,
Да приезжает он ко белу шатру,
Ко белу шатру да бохатырскому,

172

- 365 А тут стар с побоища спал.¹
Забежал тут Сокольник во белой шатёр,
Как ведь ткнул Сокольник во белую грудь
(Копьём ему).
Да был у старого на груди чудён ведь крест,
Да как не мал, не велик — полтора пуда.
- 370 Пробужал тут стар от крепкого сну,
Выбежал он на улицу широкою,
Как садитса Сокольник на добра коні.
Тут стар его по руки и ноги и розорвал,

¹ Стихи 341—344 сказаны словами.

² Стихи 349—354 сказаны словами.

³ Стихи 357—358 сказаны словами.

⁴ Сказано.

¹ Этот стих сказан словами.

Тут Сокольнику смерть случилася.²

12
ПРО ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Подымалось чудищо не малоё,
Да как и не малоё да не великоё.
Да голова у него да как пивной котёл,
Да как глаза у него да как пивны цяши,
5 Да промежу ушами калена стрела,
Да промежу глазами пядь бумажныя,
Да уж и плечи у него да как коса сажень,
Да как и коса сажень нонче печатная.
Набирал набор он ровна три года:
10 У которого было ведь семь сынов,
Он ведь шесть сынов ноньче себе берёт,
А шестого дома он оставливал,
Да отцу—матушки да на пропитанье.
У которого ведь было шесть сынов,
15 Он ведь пять сынов ноньче себе берёт,
А шестого дома он оставливал,
Да отцу—матушки да на воспитание.
У которого было ведь пять сынов,
Он четыре ноньче ведь себе берёт,
20 А пятого дома оставливал
(До одинака всё так).

173

Он ведь набрал силы много множество:
Впереди его на сорок тысячей,
По правой его руки да сорок тысячей,
По левой руки да сорок тысячей,
25 Да позади его да числу—сметы нет.
Он пришол ко городу ко Киеву,
Што под те под стены он ведь каменны,
Он садилса нонь да на ременчат стул,
Он писал ерлык да скорописчатой,

² Стих 373—374 сказаны.

- 30 Он ведь просит у них да стольне Киев град,
Без бою, без драку, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого.
Он послал посла да скоро наскоро:
Да ты поди, посол, да скоро наскоро
- 35 Через стенушку да городовую,
Мимо башенки да наугольнея.
У ворот не спрашивай воротников,
У дверей не спрашивай придверников,
Ты уж в гридню иди и лица не чьти
*(Прежде у князей так комнаты те назывались —
гридни),*
- 40 Да лица не чьти бою не кланейся,
Да ерлык на стол клади да сам вон иди.
Говори ты речь да не с упадкою,
Не с упадкою да не с охваткою.
(Это наказывал Идолищо—то).
- Пошел, пошел да скоро наскоро
- 45 Через стенушку да городовую
Мимо башенки да наугольнея.
У ворот не спрашивал воротников,
У дверей не спрашивал придверников,
В гридню идёт и бою не кланеетця,
- 50 Да ерлык на стол кладёт да сам и вон идёт,
Говорит речь да не с упадкою,
Не с упадкою да не с охваткою.
Брал тут ноньце да Владимир князь,
Брал ерлык да он прочитывал:
- 55 Как пришло нонь поганое Издолищо,
Ко тому ко городу ко Киеву,
Он и нагнал силы он несметные,
Он и просит нонь да стольне Киев град,
- Без бою, без драки он, без сеценья,
- 60 Без того кроволития великого.
Тут—то князь и опечалился,
Да сам—то говорит да таково слово:
«Кабы был по прежнему Ильі казак,

- Ильї казак, Илья Муромец
(Илья—то Муромец в погребѣ ведь засажон был),
- 65 Пособил—ка мне да думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать или не отдать стольне Киев град
Без бою, без драки, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого».
- 70 Говорит кнегина тут Апраксея:
«Што батюшка нынь Владимир князь,
Сходи—тко ты во глубок погрѣб,
Не жив ли там Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович?»
- 75 Как Владимир князь красно солнышко
Пошол—то он да во глубок погрѣб.
Открывали замки да всё немецкия,
Как снимали плеты железныя,
А сидит там стар, весь волосом оброс;
(Книгу читат).
- 80 Падал тут князь на коленки
Перед старым Ильѣй Муромцем,
Да низко ему поклоняйтце:
«Уж ты батюшко наш старый казак,
Старый казак Илья Муромец,
- 85 Илья Муромец сын Иванович!
Пособи—тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати:
Как пришло ко городу ко Киеву
Да поганое Издолицо,
- 90 Он нагнал силы много множества,
Он ведь просит у нас да стольне Киев град
Без бою, без драки, нонь без сеценья
Без того кроволития великого».
Тут сидит—то старый — очей низвѣл.
- 95 Побежал—то он ко кнегине Апраксине:
«Уж ты матушка кнегина Апраксина,
- Ты поди—тко во глубок погрѣб —
Там есь жив старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович,
100 Попроси да ты его уж милости!»

(Она его всё содержала, всё кормила.)

Пошла кнегина тут Апраксина,
Пала она на коленки перед погребом:
«Уж ты батюшко да наш старый казак,
Наш старый казак да Илья Муромец,
105 Илья Муромец да сын Иванович!
Пособи—тко нам думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Как отдать—то не отдать да стольне Киев град,
Без бою, без драки, нонь без сеценья,

110 Без того кроволития великого».

Тут старый выскочил из погреба.

(Сорок сажень погреб был, выскочил ешо выше.)

Пошел Илья по городу по Киеву.
Забегал—то князь да во первой након,
Да низко ему покланеитця:

115 «Уж ты батюшко да наш старый казак,
Старый казак Илья Муромец!
Пособи—тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать иль не отдать да стольне Киев град.

120 Без бою, без драки, нонь без сеценья

Без того кроволития великого».

Идёт—то старый, очей низвёл

(Не остановился, осерчал на его).

Забегал—то князь во второй након,

Ищр того ниже поклоняйтце:

125 «Уж ты батюшко да наш старый казак,

Старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович!

Пособи—тко мне думу думати,

Думу думати да горе мыкати,

130 Отдать иль не отдать стольне Киев град,

Без бою, без драки, нонь без сеценья,

Без того кроволития великого».

Идёт—то старый, очей низвёл.

- Забегал—то князь во третей након,
 135 Ищё того ниже поклоняйтце:
 «Уж ты батюшко наш старый казак,
 Наш старый казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович!
 Пособи—тко мне думу думати,
 140 Думу думати, да горе мыкати,
 Отдать иль не отдать стольне Киев град,
 Без бою, без драки, нонь без сеценья,
 Без того кроволития великого.
 Я тебе—то жалую
 145 Петьдесят бочек зелена вина,
 Петьдесят—то бочек пива пьяного,
 И петьдесят боценок мёду сладкого
(Жалует это князь),
 Плису—бархату да на белой шатёр».
 Тут—то стар остоялся,
 150 Говорит—то он таково слово:
 «Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
 Со боярами да с толстобрюхими
(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!).
 Попросите сроку на три года»
(Илья—то Муромец сказал).
 Попросили сроку на три года
 155 Не дават поганый Издолицо на три месеца.
 «Попросите сроку на три месеца!»
 Не дават ведь сроку на двенадцеть дён
*(Войска нет, где скоро завернешь?
 Ишь сколько чудовищ было!).*
 «Попросите сроку на двенадцеть дён,
 А на тринадцатый бою—драке быть».
 160 Да призвал тут стар Добрыню Никитича:
 «Ой еси Добрыня Никитич млад,
 Обседывай ты своего добра коня,
 Двенадцать дён объезжай всю вокруг землю,
 Всю вокруг землю, повселенну всю,
 165 Захватывай по украинам,

Забирай всё русских могущих богатырей». Обседлал Добрыня добра коня, Объездял он в двенадцать дён всю вокруг землю,

177

Всю вокруг земли, повселенну всю,
170 Захватывал по украинам,

Забирал всё русских могущих богатырей.

Ну вот он объехал в двенадцать дён и набрал, тут был Олёша Попович, Саксон Колыбанович, братья Суздальцы.

Как на утре—то было ранешенько,
На светлой зори раноутренней
(Сейчас у их тут будет бой),

На выкате солнышка красного,
175 Вставал—то старый со постелюшки,

Умывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотёнышком беленьким,
Помолилса спасу преображенскому,
Божьей матушки да боһородицы,

180 Ходил на улицу широкою,
Да смотрел и здрел да во чисто полё:
Как неверно собранье да скошевалось,
Да оно стоит да в боевых рядах.

Забегал—то стар да во белой шатёр:

185 «Уж вы братица мои да товарищи!
Вы обседывайте нонь да добрых коней,
Надевайте латы вы булатныи,
На шеи кольцуги позолоцены,
Да берите палицы железныи,

190 Да берите сабельки вострыи,
Да берите копьа немецкия,
Да берите ножицо чинжалицо».

Говорит тут стар да таково слово:

«Ой еси Добрыня Никитич млад,

195 Ты останься во белом шатре.
Берегци, стерегци белой шатёр,
Потому што конь твой приубегалса,
А ты на кони приуездилси».

Помолились спасу превышнему,
 200 Божьей матушке да боѳородицы,
 Дружка с дружкой распростилися
(Бат, не один живой, не приедет!).

Говорит тут стар да таково слово:

«Я поеду середь матицы
(Это, вишь, серѳдкой),

178

А вы поезжайте по украинам.

205 Если боѳ нам будет нынче напомощь,
 То рубите силу вы без вывету»
(Не щадит никого).

Поехал стар—то середь матицы,
 Остальня дружина по украинам.

Поганой Издолицо заметалосе,
 210 Не знать оно засыпается,
 Не знать оно оглупаитси.
 Махнул—то стар да саблей вострою,
 Слетела голова как пуговиця
(Того убил).

Они рубили силу ту без вывету,

215 Днѳм вырубили да рано,
 Приезжают они ко белу шатру.
 Было тут два братца да два Суздальця,
 Их на дело не бывало и не видало.

Они порато приросхвасталися:

220 «Кабы было во матушки во сырой земли золото
 кольцо,

Повернули мать сыру землю.

(Хвастливо—то слово, видишь, мимо живѳ),

А была бы на небо лесница,
 Присекли силу всю небесную!»

Говорит—то стар да таково слово:

225 «За эти за реци за похвальные
 Всем завтра нам придетца лежать да во чистом
 полю».

На утре—то было ранешенько,
 На светлой зори раноутренней,

- На выкате солнышка красного,
230 Стал—то старый со постелюшки.
Умывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотённышком беленьким,
Помолилса спасу преображенскому,
Божьей матушки да боґородицы.
- 235 Выходил на улицу широкою,
Посмотрел и здрел да во чисто полё:
Как неверно собранье скошевалосе,
Которого секли они натрое,
Тот втроем садитса на одну лошадь;
- 240 Которого секли надвое,
Тот вдвоем садитса на одну лошадь.
Забегал тут стар до во белой шатёр:
«Уж вы братьица мои товарищи,
Не докуль вам спать — пора вставать!
- 245 Я ведь был на улице широкое,
Я смотрел и здрел да во чисто полё,
Там неверно собранье нынче ожило;
Мы которого секли ведь натрое,
Тот втроем садитса на одну лошадь;
- 250 Которого секли мы надвое,
Тот вдвоем садитса на одну лошадь,
А поганое Издолицо о трёх главах.
За вчерашние за речи за похвальныя,
Всем нам будет лежать во чистом полии».
- 255 Говорит тут стар да таково слово:
«Вы обседывайте нонече добрых коней,
Не оставлю Добрыню во белом шатре,
Берегци, стерегци белой шатёр».
Помолились спасу ведь превышному,
- 260 Божьей матушки да боґородицы,
Дружка с дружкою распростилиси.
Говорит тут стар да таково слово:
«Я поеду по украину,
А вы поезжайте середь матицы,
- 265 Если боґ нам будет напомощь,

Вы рубите силу нунь без вывѣту».
Стар поехал по украину,
А дружина поехала середь матицы.
Поганое Издолицо заметалосе,
270 Не знать оно засыпаетсе,
Не знать оно оглушаетсе.
Махнул—то стар да саблей вострою,
Слетели головы, как пуговицы
(Три головы его отсекли).
Они рубили силу нунь без вивету,
275 Не мало не много — двенадцеть дѣн
(Ишь ведь дело!).
Не пиваючи и не едаючи,

180

И опочив они не держали
*(Без отдыха без всякого. И ничего они не держали, не
спали).*
Приезжают они ко белу шатру,
Не приехало два братця, два Суздальця
(Которы—то хвастались).
Тем и кончилось.

13

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Ехал стар по цисту полю,
По тому роздолью широкому.
Голова бела, борода сида,
По белым грудім ростилаитси,
5 Как скатен жемцюг россыпайтси.
Да под старым конь наюбел белой,
Да ведь хвост и грив' науцёр цёрна.
Как наехал стар на станичников,
На ночных уж он подорожников,
10 На дѣнных он подколодников.
Да хотіт стара бити—грабити,
Да с конём—животом розлучить хотят.
Как сидит тут стар призадумалсе,

Он умом гадат, головой качат.

15 Принадумалсы слово вымолвит:

«Уж вы станички мои станичники,
Люди вольны да всё разбойнички,
Вы ночны уж нонь подорожнички,
Вы дённы уж нонь подколоднички!

20 Вам ведь старого бить уж некого,

А у старого взять вам нечего:

Золотой казны много не взято,
Злата—серебра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилуцилосе.

25 Тольки есь под старым доброй конь,

Да ведь конь под ним наубел белой,

Да хвост и грива научор черна.

Как уж езжу на кони ровно тридцеть лет,

181

За рекой на коне не сиживал,

30 Перевоз на кони я не вапливал».

Как станишницков всё приманивал,

Как велят они слезыват с коня.

Как сидит тут стар призадумалса,

Он умом гадат, головой качат,

35 Принадумалса слово вымолвить:

«Уж вы станички мои станицники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночны уж нонь подорожники,
Вы дённы уж нонь подколодники!

40 Вам у старого бить уж некого,

А у старого взять вам нечего:

Золотой казны много не взето,
Злата—серебра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилучилосе.

45 Тольки есь на старом куны шуба,

Дешевой цены стоит — семьсот рублей,

Как на шубы подтяжка позолочена,

Ожерелье у шубы чорна соболя,

Не того де соболя сибирьского,

50 Не сибирьского соболя — заморьского

(С Камчатки, верно).

Как уж пуговики были вальячные,
Того ле вальяку красна золота,
Да ведь петелки были шолковы,
Да того де шолку, шолку белого,
55 Да белого шолку шемахильского».
Как станицников пуце приманиват,
И велят слезыват со добра коня,
Скидыват велят кунью шубоцку.
Как сидит тут стар призадумалса,
60 Умом гадат, да головой качат,
Принадумалса слово вымолвить:
«Уж вы станицки мои станичники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночные уж нонь подорожники,
65 Вы дённые уж нонь подколодники!
Вам у старого битъ вам некого,
А у старого взять вам нецего:

182

Золотой казны много не взето,
Злата—серебра не пригодилося,
70 Скатна жемчуга не прилучилосе.
Только есь у старого уж тугой лук,
Золота колчанка каленых стрел,
Да ведь ровно тридцеть три стрелоцки.
Да ведь всем стрелам цена обложена,
75 Да ведь кажна стрела по пети рублей,
Трём стрелам цены нету уж:
Перены перьям Орловым же,
Не того орла, орла сизого,
А того орла сизомладого,
Тот живёт орёл на синем мори,
На синём мори на сером камни,
Он пьёт и ест у сині моря».
Как станицников пуце заманиват,
И велят слезыват с добра коня,
85 Скидыват велят кунью шубоцку,

Отдавать колцянку каленых стрел.
Как сидит тут стар призадумалса,
Он умом гадат, головой качат.
Он вытегиват из—за пазушья тугой лук,
90 Из кольцяночки да калену стрелу.
Он кладёт стрелу нонь на тугой лук,
Да ведь сам стрелы да приговариват:
«Калена стрела ты муравлена,
Полети же ты во чисто полё,
95 Полети ты повыше разбойников,
Не задеш ты их ни единого,
Ты не старого и не малого,
Не холостого, не женатого.
Полети—тко ты во чисто полё,
100 Да во сыро дубищо крековищо,
Ты розбей сыро дубищо крековищо,
Ты на мелко церенье ножовое».
Не городовы ворота отпиралисе,
Не люта змея извиваласе,
105 Заскрипел у старого тугой лук,
Калена стрела со туга лука
Полетела она да во чисто полё,

183

Да во сыро дубищо крековищо.
Как розбила сыро дубищо крековищо
110 Да на мелко церенье ножовоё.
Как станицники испужалися,
По под—кустикам как разбежалиси.
Как туман—то в поле приободроло,
Как станицники идут да поклоняютца:
115 «Уж ты батюшко да наш старый казак
Наш старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Да возьми—тко нас да во товарищи».
Говорит тут стар таково слово:
120 «Не возьму я вас во товарищи,
Я не старого и не малого,
Не холостого, не женатого.

- Как я уж езжу по полю тридцать лет,
Да никто на меня не нахаживал,
125 Да никто на меня не наезживал,
Да как вы нашли поганые, наехали».
Как поехал стар по чисту полю,
По тому роздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
130 По белым грудям росстиляется,
Как скацен жемцуг да рассыпается.
Приезжает к росстаням ко широким же,
Как лежит тут сер горюць камень,
Да на камешке подпись подписана,
135 Да подписана подпись подрезана:
«Как во первую дорожку ехать — бохату быть,
А во втору дорожку — женату быть,
А в третью дорожку — живому не быть».
Как сидит тут стар да призадумался,
140 Призадумался да приросплакался:
«Как поеду я в дорожку во первую,
Да ведь где мне старому бохату быть».
А опеть же сам и одумался:
«Да на что мне старому бохату быть?»
145 У меня нет нонь молодой жены
Берегци, стерегци золота казна.
Как поеду в дорожку во вторую,
- 184
- Да ведь 'де мне старому женату быть».
А опеть же сам и одумался:
150 «Да на што мне старому женату быть?
Не владеть мне старому молодой женой»
Не кормить мне старому малых детей,
Как поеду в дорожку во третью же,
'де мне старому живому не быть».
155 Как поехал стар по чисту полю,
По тому роздолью широкому,
Голова бела, борода седа,
По белым грудім росстиляется,
Как скацен жемчуг да рассыпается,

- 160 Приезжает ко двору ко широкому,
Теремом назвать — очень мал будёт,
Городом назвать — так велик будёт.
Как выходит девушка чернавушка,
Она берёт коня за шелков повод,
165 Она ведёт коня да ко красну крыльцу,
Насыпат пшена да белоярова,
Как снимат стара со добра коні,
Она ведёт стара да на красно крыльцо».
На красно крыльцо да по новым сеням,
По новым сеням в нову горницу.
Скидыват его да распоясыват,
Да сама говорит таковы слова:
«Пожилой удалой добрый молодец,
Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
Тебе пить ли исть нынче хочется,
Опочинуться со мной ле хочетсы?»
Говорит тут стар таково слово:
«Хошь я еду дорогой очень дальнею,
Мне не пить не есть мне не хочется,
180 Опочинуться с тобой хочитсэ».
Она старому кроват да уж указыват,
А сама от кровати дале петитсе.
Говорит—то стар да таково слово:
«Хороша кровать изукрашена,
185 Должно бы кроваточки подложной быть».
Она старому кровать уж указыват,
А сама от кровати далечо стоит.

185

- Как могуци плечи росходилисе,
Ретиво серце розъёрилосе,
Он хватал—то он за белы руки,
Он бросал он на кровать ле тесовую —
Полетела кровать да тесовая
Да во те во погрёба глубокий.
Как спушался стар да во глубок погрёб —
195 Там находитса двадцать деветь молодец,
А тридцатый был сам старый казак,

Сам старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказыват,
200 Наказывать да заговаривать:
«Я уж езжу по полю ровно тридцать лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабьи же,
Не утекаюсь на гузна их на мяхкие».
Вот они тут из погребца вышли,
205 Красное золото телегами катили,
А добрых коней табунами гнали,
Молодых молодок толпицами,
Красных девушек стаицами,
А старых старушек коробицами.¹

14

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЦА

I

Жыл—то был Буслав да в Нове—городе,
Да с каменной Москвой не споровал,
С Новым городом не перецился.
Жыл—то он девеносто годов,
5 Жыл—то он да не старилса,
Не старилса да сам преставилса.
Оставалась у Буслава молода жена,
Молода жена да нынче беременна,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.
10 Родила она младого отрока,

186

Да младого Василья Буслаевича.
Да стал—то Василий лет пяти—шести,
Отдавала его мать учителю,
Учиться ученье всяко мудроё,
15 Писать да читать скоро азбуке.

¹ «Присказка». *Примечание сказителя*. Стихи 20.1—207 сказаны словами.

- Да то всё ученье скоро в ум пошло,
 Скоро в ум пошло, вкоренилосе,
 Вкоренилосе Василью, заселилосе.
 Да того Василью ученье мало можитце,
 20 Отдавала его да мать то ведь учителю,
 Учиться ученье всё—ко хитроё:
 По поднебесью летать да ясным соколом,
 По чисту полю рыскать да нонь серым волком,
 Да в землю уходить горносталюшком,
 25 Да в воду ходить да ноньце рыбою,
 По воды—то плавать ярим гоголем.
 Да то Васе ученье скоро в ум пошло,
 Скоро в ум пошло, вкоренилосе.
 Вкоренилосе Василию, заселилосе.
 30 Да того Васе ученье мало можитця,
 Отдавала—то его мать ведь учителю
 Учиться ученье всё—ко мудроё:
 Подхватывать пулецьки свинцовыя,
 Уговаривать да свой червленной вяз.
 35 Да то ученье скоро в ум пошло,
 Скоро в ум пошло, вкоренилосе,
 Вкоренилосе Василью, заселилосе.
 Да стал—то Василий лет семнадцати,
 Садилса—то он на ременцят стул,
 40 Писал ярлыки да скорописцяты
 Ко тем ко татым—ко разбойникам,
 Да к тем ведь. нонь да не рабочим людім.
 Да те ярлыки скорописцяты
 Розносил по путям по дорожецькам,
 45 Да те ярлыки находили мужики,
 Да находили мужики новгородяне,
 Находили они да нынче процитывали:
 Да итти—то к Василью на широкий двор
 Пить да исть да всё готовоё,
 50 Носить—то у него да платье цветное,

Да пить—то вина да нонь всё безденежно.
(Он, видно, именитой был!)

- Многи отказались, и житейцки пошли.
Да сидит—то Василий у окошечка,
Идут—то к Василью уж ведь по два вдруг,
55 Идут—то к Василью по три вдруг,
Идут—то к Василью по десятоцку,
Идут—то к Василью по другому вдруг,
Идут—то к Василью по полусотни.
Говорит—то тут Василий таково слово;
60 «Не минуетця—то беда да привезалась ко двору».
Побежал—то ведь он да во глубок погрёб,
Да выкатил боцку зелена вина,
Выкатил боцёнок пива пьянаго,
Выкатил боцёнок мёду сладкого,
65 Да вылил он да во дубовой чан,
Повесил чару да в полтора вёдра.
Да взял—то он свой да червленной вяз,
Да сам говорит да таково слово:
«Да ой еси, удалы добры молодци!
70 Идите—тко к чану смелешенько,
Берите чару да единой рукой,
Выпивайте чару да к едному духу,
Становитесь мне под черленной вяз,
Я которого ударю я в голову,
75 Тот поди—тко ко мне да в услужение,
Пей и еш да всё готовоё,
Носи у меня платье цветное,
Пей вина у меня безденежно».
Тут—то вси да испужалисе,
80 Да все ему ведь да поклонилисе,
Поклонилисе да назад поворотилисе.
Да тут—то Василью за беду стало,
За велику тут досаду показалосе.
Стал—то он по улице похаживать,
85 Черленным—то везом стал помахивать,
Да которого задержит, тот и окорочь ползёт,
Да пошли ведь тут Василья побранивают,
Побранивают Василья, поругивают:
«Сукин сын Василий, б..... сын Василь,

- 90 Не упито у тебя не уедено,
 В красны—хороши да не ухожено,
 А вековещное увецье залезёно».
- (Руки, ноги сломаны.)*
- Из той же толпы да молодецеской
 Идёт—то удалый добрый молодец,
 95 Идёт Фома сын Ременников.
 Идёт—то он к чану смелешенько,
 Берёт—то чару единой рукой,
 Выпиват—то чару к едному духу
 Да становитца к Василью под черленой вяз.
- 100 Ударил Василий его в голову —
 Стоит—то Фома, да нонь и не шатнётся.
 Говорит—то Василий таково слово:
 «Дородной удалой доброй молодец,
 Ты Фома уж сын Ременников!
- 105 Поди—тко ко мне в услуженьице,
 Пей и еш всё готовоё,
 Носи у меня платье цветное,
 Да пей ты вина ноньце всё безденёжно».
- Из той же толпы молодецеской
 110 Идёт тут Костя—Лостя Новоторщеник,
 Идёт он к чану он смелешенько,
 Берёт—то чару да единой рукой,
 Выпиват—то чару да к едному духу,
 Становитса к Василью под черленой вяз.
- 115 Ударил Василий ево в голову —
 Да стоит—то Костя не шатнисьи,
 Кудерци на ем не трёхнутси.
 Говорит—то Василий таково слово;
 «Дородной удалой доброй молодец,
 120 Ты Костя—Лостя Новоторщеник!
 Поди—тко ко мне в услуженьице,
 Пей и еш всё готовоё,
 Носи у меня платье цветное,
 Да пей ты вина ноньце всё безденёжно».
- 125 Из той же толпы молодецеской

Идёт—то Потанюша Хроменькой,
 Да хроменькой Потаня да нонь коротенькой.
 На одну—то ногу он прихрамывает,

189

На другу—то ногу да он припадывает,
 130 На двух костылях да подпираетци.
 Он идёт—то к чану смелешенько,
 Берёт чару да единой рукой,
 Выпиват—то чару к одному духу,
 Становитса к Василью под черленой вяз,
 135 Говорит—то Василий таково слово:
 «Да ой еси ты, Потанюша Хроменькой,
 Хроменькой Потаня ты коротенькой!
 Да не по ком, Потаня, везом хвоснуть».
 Говорит—то Потаня таково слово:
 140 «Да ой еси, Василий сын Буславьевиц,
 Не жалейсе ты моей ведь старости,
 Хвосни ты везом со всей ярости!»
 Не жалелса Василий его старости,
 Хвоснул—то везом со всей ярости —
 145 Стоит—то Потанюша ведь крепче всех,
 Говорит—то Василий таково слово:
 «Ой еси, удалый доброй молодец,
 Поди ты ко мне в услуженьице!
 Пей и еш да всё готовоё,
 150 Носи у меня платье цветного,
 Пей у меня вина безденежно».
 Из той же толпы молодеческой
 Идёт тут девушка чернавушка,
 Идёт—то она к чану смелёшенько,
 155 Берёт—то чару единой рукой,
 Выпиват—то чару к одному духу,
 Становитса к Василью под черленой вяз,
 Ударил Василий ей ведь в голову —
 Стоит тут девушка не шатънется,
 160 Да шолково платнё¹ ей не трёхнется.

¹ Платье.

Говорит тут Василий да таково слово:
 «Ой еси, девушка чернавушка,
 Поди—тко ко мне в услуженьице!
 Пей, еш всё готовое,
 165 Носи—тко у меня платье шолково,
 Да пей вина ноньце безденёжно».
(У него дружины шестьдесят человек было).

190

Во здешном же да Новом городе
 Да был тут Викула ведь староста,
 Охотник солод собирать и братчину варить.
 170 Васькин солод не берут и Ваську пить не зовут.
 Говорит Василий таковы слова:
 «Ой еси, дружина хоробрая,
 Удалы дородны добры молодци,
 Пойдёмте к Викулы мы на братчину!»
 175 Пошол—то Василий на братчину,
 Со той со дружиной со хороброй.
 Заходит к Викуле на братчину,
 Крест—от кладут по писаному,
 Поклоны ведут по учёному,
 180 Молитву творят полно Исусову.
 Да место—то они им не дали,
 И пива—то они им не подали,
 Да тем же Василью обесчестили.
 Говорит тут Василий таково слово:
 185 «Да ой еси, Потанюша Хроменькой,
 Да хроменькой Потаня ты коротенькой!
 Да пойди же Потаня позади же их,
 Откуда они носят зелене вино,
 Откуда ведь они носят пиво пьяное».
 190 Пошол—то Потаня позади же их,
 Вышиб двери посреди двора,
 Выкатил боцку зелена вина,
 Выкатил боцёнок пива пьяного,
 Да пили они тут своей рукой.
 195 Перву чару выпил Васька для здоровьица,
 Втору—то чару выпил для весельица,

Да третью чару для похмельица.
 Да напилса он до хмелю великого,
 Да опять вновь он зашел на братчину.
 200 Да тут—то с Викулой он оспоровал,
 Ударились с Викулой о велик заклад
 Не о сти рублей да не о тысеце,
 О своих о буйныи ноньце головах:
 Побиться, подратьця у чудна креста,
 205 У чудна креста, у жива моста,
 У матушки да реки Волхови,

191

Викула с Новым городом,
 Василий с дружиной со хороброй,¹
 Только одного Вася старца выветил,
 210 У которого Василий в ученьи был.
 Пришел—то Василий к своей матушке,
 Говорит—то он таково слово:
 «Да ой еси ты, мать да осподарына,
 Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
 215 Да были ведь мы у Викулы на братчины,
 Да места они ведь нам не дали,
 Да пива ведь они нам не подали,
 Да тем ли они нас обесчестили.
 Да пили ведь мы ноньце своею рукой.
 220 Перву—то чару выпил я для здоровьица,
 Втору—ту чару выпил я для весельица.
 Да третью чару для похмельица.
 Напилса я до хмелю великого,
 Да зашел к Викуле ведь на братчину.
 225 Да тут—то я с Викулой оспоровал,
 Да ударилса с Викулой о велик заклад,
 Не о сти рублей и не о тысеци,
 О своих о молодецких буйных головах:
 Я ли со дружиной со хороброей,
 230 А Викула со всим Новым городом²

¹ Стихи 207—208 не спеты, а сказаны.

² Стихи 229—230 не спеты, а сказаны.

Побиться, подраяться у чудна креста,
У чудна креста, у жива моста,
У матушки реки Волхови».

Говорила Васильева ведь матушка:

235 «Да еку беду вы наделали,
Да еку ту беду напроказили.
Розрушите весь великий заклад!
Ведь из Волхови тебе воды не выпить вся,
А Викулу с Новым городом не выбить всех».

240 Побежала к Викулы она на братчину,
Да крест—то кладёт по писаному,
Поклоны ведёт да по учёному,
Молитву творит полно Иусову.
— «Ой еси, Викула ты староста,

192

245 Што вы с Васильем теперь наделали,
Да еку ту беду напроказили.
Разрушите с Васильем нонь велик заклад!
Ведь в Волхове воды не выпить вся,
А Василья с дружиной не выбить всех».

250 Вывел Викула вон ей за ворота
(Не принял слов).

Прибежала Васильева матушка,
Уложила Василья в теплу ложнюцу,
Побежала по кузнечей и по новгороден,
Оковала двери железами,

255 Повесила замок полтора пуда.
На утре—то было нонь ранешенько,
На светлой зори на раноутрянной,
На выкате да солнышка красного
Да бьютця, дёрутця у чудна креста,

260 У чудна креста, у жива моста
И у матушки да реки Волхови.
Спит—то Василий не пробудитця.
Черनावушка ведёрушки взяла
Да в Волхов по воду пошла,¹

¹ Стихи 263—264 не спеты, а сказаны.

265 Коромыслищем махнёт да тут и улица,
Поворотится назад да переулочки лёжат,
Да сама ли на гору убирайтци,
Да стуцит—то да гремит у окошецька:

«Да ой еси, Василий сын Буслаевич,
270 Да што ты спишь не пробудишься?

Да бьютса дерутса у чудна креста,
У чудна креста, у жива моста,
У матушки реки Волхови.

Дружина ведь ноньце вся побивана,

275 Главы кушаками вси завиваны».

Пробуждался Василий от крепкого сну,

Ухватил—то он свой черлений вяз,

В одной—то рубашке нонь без пояса,

В одних—то чулоцках без сапожецек,

280 Да кинулса он митюгом в двери,

Да вышиб двери среди двора

(Никаки оковы не помогли).

193

Побежал ведь—то он ко чудну кресту,

Ко чудну кресту, ко живу мосту,

Ко матушки реки Волхови.

285 Навстречу ему идет Старчищё Мокарчищо,

На головы он несёт колокол девеносто пудов»

Колокольным езыком подпирайтци,

Сам говорит таково слово:

«Молодой бобзун, не попорхивай,

290 Да ты же у меня во ученьи был».

Говорит тут Василий таково слово:

«Когда ты меня учил, ты тогда деньги брал,

А я тебе теперь с... не хочу».¹

Колокольным езыком отвёл его среди Волхов—

реку

(Василья—то).

295 Обернулса Василий ярым гоголем,

Выплывал—то он на крутой берег.

¹ Стих не спет, а сказан.

Ухватил—то он да свой черленой вяз,
Догоняет старчшце Макарчищѣ,
Ударил он его в голову,
300 Колокол раскололса и голова у старчища
раскололась.²

Прибежал—то Василий ко чудну кресту,
Ко чудну кресту, ко живу мосту,
Ко матушки реки Волхови,
Да сам говорит таково слово:
305 «Ой еси, дружина хоробрая,
Да удалы дородни, добры молодцы!
Седьте—тко, посидите—тко,
Седьте—тко да отдохните—тко,
Дайте мне упахать плечи могуции,
310 Сокротить—то мне ретиво серцѣ,
Добраться до Викулы до старосты».
Да стал—то Василий нонь похаживать,
Черленным—то везом стал помахивать.
В котору сторону махнѣт, да тут и улица.
315 Поворотитса назад да переулочки лежат.
Новгородене вси испужалися:
«Всех убьѣт у нас до одинаго,
Не оставит нас ни одинаго,

194

Розорит у нас весь Новгород».
320 Отбиралась перва толпа молодецьская,
Пошли—то к Васильевой матушки,
Сами низко поклоняютца:
«Да ой еси, Васильѣва матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеѣвна,
325 Уйми ты своё да дорого цядо,
Да младого Василия Буславлевиця.
Убьѣт ведь всех нас до одинаго,
Розорит у нас весь Новгород».
Говорит тут Васильѣва матушка:
330 «Не смейтесь, мужики новгородяне,

² Тоже.

Да спит у меня Василий во темной ложни,
Да спит ведь он да не пробудитца».
Отбираласи втора толпа,
Пошли—то они к Васильевой матушки
*(Со стороны, что обещала платить на год по три
тысячи),*

335 Ещо того ниже поклоняютца:

«Ой еси, Васильева матушка,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Уйми своё дорого цядо,
Младаго Василия Буслаевиця:

340 Убьёт он нас до одинаго

И розорит у нас весь Новгород».

Отбираласи третья толпа,

Пошли—то они к Васильевой матушки, —

Ещо того ниже поклоняютца:

345 «Ой еси, Васильева матушка,

Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,

Уйми своё дорого цядо,

Младаго Василия Буслаевиця:

Убьёт он нас до одинаго

350 И розорит у нас весь Новгород».

Побежала Васильёва матушка —

Вышиблены двери среди двора.

Она голосом крычала — он не слышит нонь,

Она платиком махала — не видит он

(Вроде сигнала).

355 Побежяла она ко чудну кресту,

195

Ко чудну кресту, ко живу мосту,

Ко матушки к реке Волхови,

Унела свое дорого цядо,

Младого Василья Буслаевиця.

II¹

360 На реке, на реке, на Волхови

¹ Перед тем как начать вторую часть былины, исполнитель сказал: ЧВторой отдел — «Носад Василия Буслаевича»».

Тут плавал—гулял черленный носад.
У того ли у носада у лёкка струга
Да нос и корма по звериному,
Крутая бедра по лошадиному,
365 Да хобот мечет по змеиному.
У того у носада у лёкка струга
Да паруса были полотнены,
Да бецёвки были шолковы,
Того де ли шолку шолку белого,
370 Да белого шолку шемахильского.
Да сделано место хозяйської,
Да сделана кровать слоновых костей,
Обита кровать да дорогим сукном,
Покрыта кровать да белым бархатом,
375 Да два ли самоцветных камешка,
Да две ли лисицы две бурначеских,
Два ли сибирских соболя.
Да у того ли носада лёкка струга,
Флюгёр на деревце качаетце,
380 О свежую воду опираетця,
Флюгёр из красного золота.
На утри—то было ранешенько,
На светлой зори раноутренной,
На выкати солнышка красного
385 Не бела берёзынька шатаетси
Да сучьям—лисьям до сырой земли,
Стоял тут сын да перед матерью,
Да молодой Василий сын Буславъевиц.
— «Ой еси, матушка осподарына,
390 Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,

196

Дай ты мне благословление великое
Итти—бежать в Ерусалим город,
Да господу богу помолитисе,
господней гробнице приложитиси,
395 К адамовым мощам приклонитиси.
Да дай блаґословленье ты великое:
Да во здешном во Нове—городе

Да много старет, мати, отцѣв—матушок,
Да много вдова, мати, цужьих жон,
400 Да много сиротат, мати, малых детей,
Да всё для меня, мати, для грешного, —
Быват господь меня во грехах простит».
Говорит его мать да осподарына:
«Ой еси, Василий сын Буславьевич,
405 Нельзя тебе дать блаґословленьицѣ
Итти бы бежать в Ерусалим город
господу боґу помолитися,
господней гробнице приложитиси,
Адамовым мощам приклонитиси.
410 Из здешного Нона—города
Много боґатырей хаживало,
Да мало назад да прихаживали,
Да тебе ведь, Василий, не притти будѣт».
Боґатырьско сердце заплывцево,
415 Не знат сказал слово — 'глупости,
Да не знат сказал слово с мудрости:
«Ой еси ты, мать да оспадарына,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна!
Ты сама бы спала, себе видела —
420 Ото двора отошла и до другого не дошла,
Да тут бы родна матушка преставиласе.
Да ты говориш, што не притти будѣт,
Да даш блаґословление — приду же я,
Не даш блаґословление — приду же я.
425 Тебя я уж, мать, не послушаю».
Дала тут ведь блаґословленьицѣ
С буйной главы да до резвых ноґ,
Да сама говорит таково слово:
«Да знаю дорогу очень дальнюю,
430 Да та дорога тихосмирная,
Вперѣд итти будет три года,
И назад итти будет три года,
Пройдѣт того времени шесть годов.
Да знаю дорогу премождную:

435 Да вперёд итти будет полгода,
И назад итти будет полгода,
Пройти тому времени будет и год поры.
Есь на дороги розбой большой,
Да есь на дороги караул крепкой,
440 Да есь на дороги мелки заставы».

(Вот она дала благословление.)

А Василий— пошел премым путем.
Как собралса Василий на черлен посад,
Да пошли с той же со дружиной со хороброй же,
С удалыми добрыми молодцами,
445 По той ли улице широкой
Идёт—то Василий не шатнисьи,
Кудерци на ём не трёхнутси

(Он был молодой, красивой, белой!).

Стары старухи поахивают,
Молоды молодки посматривают,
450 А красные девицы поглядывают:
«Век мы живали, не видали такого молодца,
Как молода Василия Буслаевича».¹
Пришел—то Василий на черлен носад,
Да стал—то Василий по носаду поаживать,

455 Да стал места всем ведь указывать:
«Да Костя ты Костя Новоторщеник,
Садись—ко ты опеть ноньче на корму,
Друга же то дружина окол парусов».
Сходни убрали с берегу,

460 Ототкнули притычины серебряны,
Подгнули паруса полотнены,
Пошли рекой Волховой
(Волхов реку проехали),

Вышли в море во Виранское.²
Виранско море произойдучись,

465 Вышли они на синё морё

¹ Стихи 448—452 не спеты, а сказаны.

² Отсюда не пел, только сказывал, так как устал петь.

(Прежде не знали, какие моря).

- На заставах там вопят:
«Ой еси, Василий сын Буслаевич!
Почему ты идёшь не привёртываешь,
470 Проезжей дорожецки не спрашиваешь?»
— «Да ведь я иду не с товарами,
А я иду со обетами,
Назад ворочусь — вам гостиничка принесу».
Идут оны по синю морю;
Синее морё произойдучись,
475 Усье реки Иордан казуетси,
Сороцински горы знаменуетсяи,
Чудны там кресты знаменуютси.
Потенула погода синеморская,
Рвёт—дерёт да тонки парусы.
480 Стал Василий по носаду побегивать,
Стал паруса сам поправлявать,
А носад стоит на одном мести.
Говорит. Василий таково слово:
«Ой еси, дружина хоробрая,
485 Удалы дородни добры молодци!
Берите щепы долгомерныя,
Щупайте вы во синё морё,
Мы на кошки стоим иль на камени,
Не той ли луды на подводной».
490 Брали щепы долгомерныя,
Щупали во синём мори,
Не на кошки стоят не на камени,
А стоят—то они на морской воды.
Говорит тут Василий таково слово:
495 «Я иду не с товарами,
А я иду со обетами.
Костя—то Лостя Новоторщеник,
Правь ты под горы Сорочиньския,
Знать крестам сходить помолитися».
500 Стал Костя править, —
Носад побежал, как сокол полетел.
Спустили парусы полотнены,

Приткнули притычины серебряны,

199

Сходни поклали концом на берег,
 505 Пошли—то они на крутой берег.
 Идут—то на горы с час поры,
 Идут—то на горы с другой поры,
 Идут—то на горы с третьей поры, —
 Не могут дойти до чудных крестов.
 510 Говорит—то Василий таково слово:
 «Ой еси, дружина хоробрая,
 Удалы дородни добры молодцы!
 Идём мы на горы с час поры,
 Идём мы на горы с другой поры,
 515 Идём мы на горы с третьей поры, —
 А не можем дойти до чудных крестов.
 Отселе крестам мы помолимся,
 Да и все назад поворотимся».
 Оттуда крестам богу помолилися,
 520 Все назад поворотилися.
 Стал по горам Вася похаживать,
 Стал по горам Вася погуливать,
 Да нашол голову костощёную,
 Костощёну голову человеческу,
 525 Стал голову Вася попинывать,
 Левой ногой да в праву ногу,
 А правой ногой да во чисто полё,
 Сам говорит таково слово:
 «Кака ты лежишь, голова, русска иль неверна?
 530 Русска лежишь — так прихороним тебя,
 А неверна лежишь — то хоть погалимса».
 Протащилась голова человеческа
 Русским езыком человечеським,
 Громкой говорей бохатырьской:
 535 «Ты, Вася, меня не попинывай,
 Ты, Василий, меня не пошевеливай,
 Я ведь голова был не хуже тебя,
 Тот же Василий сын Хлебович
 Из того же из Нового города.

540 Поехал рубить сорочину злолукавую,
 Та сорочина злолукавая
 Заслышала побежку лошадиную,
 Заслышала поездку бохатырьскую.

200

Подкопы копала глубокия,
 545 Становила подрези железныя,
 Затянула тенетами полотненными,
 Засыпала хрещом мелким каменьем.
 Меня первый—то подкоп меня бох пронёс,
 Второй—то подкоп меня конь пронёс,
 550 А на третьем—то подкопе конь обрюшился.
 Та сорочина злолукавая,
 Она—то уж тут была,
 Тут она меня и обневолила,
 Свезали у меня руки белыя,
 555 Сковали у меня ноги резвыя,
 Стали приводить во свою веру,
 Во свою веру, сорочинскую.
 Не пошел я в веру сорочинскую,
 Отрубили у меня буйну голову,
 560 Умею на горах лежать уже тридцать лет,
 Да всё про тебя, Вася, видится,
 Да всё про тебя, Вася, грезится,
 Да будешь лежать со мной во товарищах».
 Тут Василий с головой оспорывал:
 565 «Ты сама говоришь или бес мутит?»
 — «Я сама говорю, а не бес мутит,
 И будешь лежать во товарищах».

(Он ушел, она тут осталась.)

Пошел—то Василий на черлен корабль,
 Ототкнули притычины серебряны,
 570 Подоткнули парусы полотнены,
 Пошли—то онм по синю морю.
 Усье Иордан—реки казуетця,
 Сорочински горы знаменуютця,
 Чудны там кресты показываютця,
 575 Зашли—то они во Иордан—реку.

(Пришли да сдумали купаться.)

Остановили они свой черлен носад,
Опустили парусы полотнены,
Сдумали в реке они купатися.
Розделса Василий донага,
580 Стал в воду он купатися,
Безвременно в воды галиться.

201

Идёт тут бабушка старенька,
Сама говорит таково слово:
«Ой еси, Василий сын Буславъевич,
585 Не велел господь в Иордан—реке босому—
нагому купатися,

Как попадѣшь на крутой берег?»
Говорит—то Василий таково слово:
«Сама бы спала, себе видела —
От двора прошла и до другого не дошла,
590 Тут бы стара бабушка представилась».

(А вот его и отнесло, он и не замог.)

Обернулса Василий ярым гоголем,
Выплывал—то он на крутой берег,
Тут—то дружина его проздравила:
«Здрав ты шол, Василий, со синя моря,
595 И здрав ты пришол в Ерусалим город».
— «Спасибо, дружина, хоть проздравили,
Едва я попал на крутой берег»

Воскресеньску обедню сослужил. Пошол он к
обедни, молебен сослужил, господней гробнице,
адамовым мощам приложился.

Подогнули парусы полотнены,
Пошли—то они во синѣ морѣ.
600 Потенула погода синеморская,
Поровнялисе горами Сороцинскими,
Рвѣт—дерѣт тонки парусы —
Носад стоит на одном мести.
Стал Василий по носаду побегивать,
605 Стал паруса он поправлявать,

Сам говорит таково слово:
 «Костя ты Лостя Новоторщеник,
 Правь ты под горы Сорочинския:
 Вперед—от шол — с головой споровал,
 610 Нать мне с головой проститися».
 Носад подбежал как сокол пролетел,
 Опустили парусы полотнены,
 Приткнули притыцины серебряны,
 Сходни поклали концом на берег,
 615 Пошли—то они на крутой берег.
 Идут—то на гору с час поры,

202

Идут—то на гору другой поры,
 Идут—то на гору третей поры.
 Стал Вася по горам похаживать,
 620 Стал по горам голову поискивать,
 Не может найти головы человечеськой.
 Нашол—то он сер горюць камень,
 В вышину—то камень тридцати локот,
 В ширину—то камень сорока локот,
 625 А в длину—то камень пятьдесят локот.
 На камешки подпись подписана,
 Подписана подпись подрезана:
 «Хто этот камень не перескочит,
 Не бывает во Новом городи».
 630 Стоит—то Василий призадумалса,
 Сам говорит таково слово:
 «Теперь—то, Потанюша, тебя—то жаль
 (*Старик хромою*),
 Тебе уж камень не перескочить,
 Не бывать тебе в Новом городе».
 635 Стала дружина скакать поперек камні,
 А Потанюша скочил — всех лехче перескочил.
 Говорит тут Василий таково слово:
 «Скочить не скочить вдоль по камешку».
 Скочил—то Василий вдоль по камешку
 640 Скоцил да лёкко перескоцил.
 Бохатырьско сердце заплывчиво.

— «Кто эту подпись подписывал,
 Да кто эту подрезь подрезывал?
 Да кто этот камень не перескочит?»
 645 Я назад петми скачу и опять перескочу!»
 Скоцил—то Василий назад петми,
 Задел—то он ногой правою,
 Пал—то на леву руку,
 Обломилась у него рука левая,
 650 Пал на сер горячь камень,
 Розломил—то себе буйну голову
(Тут и смерть ему приключилася).
 Понесли его на черлен носад .
 Та ли дружина хоробрая,
 Положили на место на хозяйское.

203

655 Подвели парусы полотнены,
 Рвёт—дерёт тонки парусы.
(Пришлось опять на гору отнести.)
 Понесли они его назад на гору,
 Несут—то на гору с час поры,
 Несут—то на гору другой поры,
 660 Несут—то на гору третьей поры.

Принесли, где камень, а там голова, и вместе с
 ним и похоронили. Тут Василий Буслаевич и кончился на
 Сорочинской горе. Потом пошли на черлен носад.

Пришли—то они на черлен носад,
 Ототкнули притычины серебряны,
 Подогнули парусы полотнены,
 Пошли—то они во синё морё.
 665 Носад побежал, как сокол полетел.
 Синее море произойдучись,
 Вышли в море во Виранское,
 В устье реки Волхови.
 Выходила Васильева матушка,
 670 Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
 Смотрела в подзорную трубочку, —
 Нет Василия на месте на хозяйском.

Так и дружина разошлась.

15 ПОХОД НА КОРСУНЬ

Собиралса—то Лев да сын Володович,
Собиралса—то он да за сине морё,
За синё морё за товарами.
Напали туманы да на синё морё,
5 Не увидели хозяева пути—правежи,
Понесло у их карабли без правёжу,
Приносило их под город незнаёмой
(Прежде немного—то было разведано),
Незнаёмой город да под Корсунь город.
Да в етом—то нонь городе царя та нет,
10 Да нету царя ноньце царица,

204

Да нет короля да королевиця.
Царит тут Маринка Кайдаловна
Да зла еретица безбожниця.
Да под город подошли — взяла пошлину,
15 На рейду зашли да взяла пошлину,
На якорь ведь встали — взяла пошлину.
(Кака королева то тоже была!),
Да на берег съехали — взяла пошлину,
20 В таможную взошли да взяла пошлину,
В харчевню, взошли да за харчевен набрала,
Да справила Маринка тридцать три пошрины
(Она их ободрала!),
Да трое рукавки, три ватюшки,
Те за рукавки за ватюшки
Да было плочёно по три тысеци рублей
(Она его совсем ограбила).
Отправлялса Лев сын Володович обратно.¹
25 Встречают его руськии торговьи:
«Да здравствуй, Лев сын Володовиц!

¹ Этот стих сказан словами.

- Да здорово ты ходил за синё морё,
 Да здорово грузил чорны карабли?»
 Говорит тут Лев сын Володовиц:
 30 «Не так я ходил да за синё морё,
 Не здорово грузил я чорны карабли.
 Напали туманы на синё морё,
 Не видели хозяева пути—правёжу,
 Понесло у нас карабли без правежу,
 35 Приносило нас в город незнаёмой,
 Незнаёмой город под Корсунь город.
 Да в етом городе царя—то нет,
 Да нету царя нонеце царевица,
 Да нет короля да королевица.
 40 Царит тут Маринка Кайдаловна,
 Да зла еретица нонь безбожница.
 Да мы под город пришли да взела пошлину,
 На рейду зашли да взела пошлину,
 На якорь встали — взела пошлину,
 45 Да на берег съехали да взела пошлину.

205

- В таможную взошли да взела пошлину,
 В харчевню взошли да за харчевен набрала,
 Да справила Маринка тридцать три пошрины
 Да трое рукавки, трое ватешки,
 50 За те рукавки за ватешки
 Были ушлочены по три тысеци рублей».
(Не с чем пришол, всё обрала у его она!)
 Собирался—то Лев сын Володович,
 Набирал—то он силы охотников,
 Нагрузил—то ведь он чорны карабли
*(Он провизией—то нагрузил, три года они
 стояли),*
 55 Пошли—то они да по синю морю.
(Так он разобьёт ее Корсунь—город—то.)
 Да та ли Маринка Кайдаловна,
 Да зла еретица безбожница,
 Выходила на стену городовую,
 Смотрела она в подзорну трубоцку,

60 Как увидела она черны карабли,
Замыкала стену да городовую,
Подкопы копала, да подземельние
(Уж у ей раньше верно приготовлено было).

Как пришол тут Лев да сын Володович
С той ли силой охоцией,

65 Обложил он кругом Корсунь город.
Стоят они под городом год поры,
Стоят—то под городом другой поры
Убиралса тут редовой солдат,
Говорит—то ведь он да таково слово:

70 «Да ой же ты, Лев сын Володович!
Не позволь ты меня казнить—вешати,
Да позволь ты мне слово молвити.
Стоянком нам города не выстоять,
Глеженьем стена нам не выгледеть,

75 Да взеть нам нать город—то с мудростью.
Обнесите барабаны кругом Корсунь—городу
Насыпьте гороху едрёного,
Ударим мы все во единое,
В одном месте пляшут — гороху не уйметця.

80 Берите шипы долгомерные,
Щупайте о матушки сырой земли,

206

Есь ведь там ходы подземельние,
Идут ведь запасы там хлебние».
Тогда задёрнули рогатки железные,

85 Захватили ходы подземельние,
И пошли там запасы хлебние.
Та ли Маринка зла Кайдаловна,
Выходила на стену да городовую.
Во правой—то руки дёржыт чяру с вином,

90 А во левой то дёржыт золоты ключи
(С зельем она вышла. Она думала он согласится...

А бывает и не с зельем?),

Сама говорит таково слово:
«Да ой еси. Лев сын Володович,
Загоню я тебе загодоцки.

Если ети ты загодоцки отганеш,
 95 Корсунь тебе город я руками сдам,
 Сама за тебя я уж взамуж пойду».
 Говорит тут ведь Лев сын Володович:
 «Изволь ты, Маринка, тут загадывать.
 Мы твои загодки будем отгодывать».
 100 — «А что же ты, Лев сын Володович:
 Озеро мало да продох большой?»
 Говорил тут ведь Лев сын Володович:
 «Ой еси. Маринка Кайдаловна,
 Да та загодка была хитра—мудра
 (*Это она насчет подземелья*),
 105 Да та нынче загодоцка отганута».
 — «А что же без ветру шумит, а без коренья
 растёт,

А в поле зелено стоит?»
 — «Без ветра шумят реки быстрые,
 Без коренья растёт сер горючь—камень,
 110 А в поле зелено стоит — сосны на бору».
 А потом она и говорит:
 «Стоит—то ведь в поле сырой дуб,
 А мелкая рощица ему поклоняетца?»
 (*Загонула опеть третью загодку—то ему.*)
 Говорит—то Лев сын Володович:
 «Ой ты гой еси, Маринка Кайдаловна,
 115 Да я стою ведь Лев сын Володович,
 Моя—то сила ведь охоцяя,

207

Да она ко мне поклоняетца,
 Боитця измены Маринкиной».
 (*Мало ли что она может сделать, у ей то же
 войска в Корсунь—то!*)

Она и стала подносить:

«Ой еси, Лев сын Володович!
 120 Да выпивай от меня золоту чару,
 И прймай от меня золоты ключи,
 Корсунь—город я тебе руками сдам,
 Да сама я за тебя взамуж пойду».

Говорит тут и Лев сын Володович:
125 «Не хочу я с тобой, Маринка, тут и рук валять,
Мы смецем по стрелке по каленой,
Мы наметим куцу выше города,
Сожгём город и Маринка сгорит».¹
Так они и сделали. Зажгли город.

16 ПРО ЧУРИЛУ

В Новом городе было,
Как не во пору пороха выпадала,
Как не во пору да не во времё,
Середь лета было о Петрово дни.
5 По той по порохе снегу белого
Не бел горносталь да шол—проскакивал,
Да шол—прошол да добрый молодец,
Да молод Чурило да сын Плёнкович.
Да піты шилом, носки были востры,
10 Да под пету хоть воробей лети,
Кругом носка хоть еицо кати.
Да шубоцька на ём семьсот рублей,
На шубы подтяжка позолочена,
Да ожерелье у шубы чёрна соболя,
15 Не того де соболя сибирьского,
Не сибирьско соболя — заморского
(Это с Камчатки).

208

Да пуговики у его были вальячнныя,
Того ли вальяку краснозолоту
(Это дорогое золото).
Да петелки—то были шолковы,
20 Да того де шолку, шолку белого,
Да белого шолку шамахильского.
Да шол—то он да ко чужу двору,
Ко чужу двору ко Перемётыну.

¹ Этот стих сказан словами.

- Перемёту дома не лучилоси,
25 Свет Васильевица не погодилосе,
Уехал он да ле во чисто полё
Да бить гусей да белых лебедей,
Да серых маленьких утицей.
Бежал—то он да ле на красно крыльцо,
30 Стучит, бречит он да за злато кольцо,
Дерьгал ремёшок да семишолковый.
Выходит ле Настасья да дочь Викулицна,
Сама говорит она да ле таково слово:
«Да кто ю ворот стоит, толкайтце,
35 Стучит, гремит да во злато кольцо,
Дерьгат ремёшок семишолковой?»
— «Да я ле, Настасья дочь Викулишьна,
Да я у ворот етом толкаюсе,
Тебя ли, Настасья, дожидаюся».
40 Открывала она тут да новы ворота,
Брала Чурилу за белы руки,
Вела его Чурилу да по новим сенім,
Да по новым сенім да в нову горницю.
Да розделса Чурила чуть не донага,
45 Да розулса Чурила ведь добоса,
Да шубоцьку он на грядоцьку,
Да шапку, рукавки на лавоцьку,
Сапожки, чулочки под кроватоцьку.
Кормила она его вить ноньце досыта,
50 Поила она ноньце допъена,
Ложилса Чурила ведь с чужой женой,
С чужой женой да с чужой мужьей же.
Приходит тут девоцка служаноцка,
Сама говорит да таково слово:
55 «Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,

- Живёш ты нонь не по дорожному,
Живей ты нонь да по домашному,
Розделса ты ведь чуть не донага,
Розулса ты уж ноньце ведь добоса,
60 Спиш—лежиш да со чужой женой,

- Со чужой женой да с чужой мужьей же
Скажу Перемету я Васильевичу».
Говорит Чурило да таково слово:
«Гой еси ты, девушка чернавушка!
65 Не сказывай, девушка чернавушка,
Куплю я тебе в косу лентоцку,
Которая лента стоит сто рублей».
— «Не надо мне твоя лентоцка,
Котора стоит хош и сто рублей,
70 Скажу Перемёт я Васильевичу».
— «Не сказывай, девушка служаноцка,
Куплю сарафан тебе на золоти,
Которой стоит восемьсот рублей».
— «Не надо сарафан мне твой на золоти,
75 Которой стоит хоть и семьсот рублей,
Скажу я Перемёт я Васильевичу».
— «Не сказывай, девушка служаноцка,
Куплю тебе шубку камчатную,
Котора стоит деветьсот рублей».
80 — «Не надо мне—ка твоя шубоцька,
Котора стоит деветьсот рублей,
Скажу Перемёт я Васильевичу».
Выходила она тут на красно крыльце,
Смотрела она во чисто полё.
85 Да едет детина из чиста поля,
Да конь по ним да аки лютый зверь,
На кони молодец да как ясён сокол.
Приворачиват да он ко тому двору,
Ко тому крыльцю ко Перемётыну.
90 Снимат—то он свой пухов колпак:
«Да здравствуй ты, девушка служаноцка,
Спасибо тебе хоть меня встретила,
Да где же у меня нонь молода жена,
Почему она меня не встретила?
95 Пировать ушла ле, столовать ли ушла,

Ле невремя како случилосе?»
Говорит тут девушка служаноцка:

- «Не пировать ушла, не столовать ушла,
И невремя никако не случилось,
100 Богатсво к твоей жены привезалосе:
Прибежал ведь конь из чиста поля,
Заскочил ведь конь да во зеленый сад,
Примял—то ведь травоньку шелковую,
Да припил питья да всё медяныи».
- 105 На то Перемёт—то он догадлив был,
Соскакивал да со добра коні,
Привезал коня да к золоту кольцю,
Бежал—то он на красно крыльцё,
На красно крыльцё, по новым сенім,
110 На красно крыльцё да прямо в горницу.
Перемёт—от по горенке похаживат,
В пол копьём да подпираетце,
Сабелька да изгибаетце,
Из кольца в кольцо да извиваетце,
- 115 Еснешенько везде высматриват.
Увидел он ведь уж на грядочки,
На грядочки да виснет шубоцка.
— «Это што у ты поштё, это што у ты наштё?»
Говорит тут Настасья дочь Викулишна:
- 120 «Ой еси, Перемёт сын Васильевич!
Вечор я ходила во торговищю,
Купила тебе я кунью шубоцку,
Котора стоит ведь семьсот рублей.
На людях вижу — на тебе, сударь, люблю».
- 125 Перемёт—от по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибаитце,
Из кольца в кольцо извиваетце,
Яснешенько везде высматриват.
- 130 Увидел он уж на лавоцки,
На лавоцки да лежит шапоцька,
Да шапка лежит, да уж с рукавками.
— «Это што у тебя поштё, и это што у тебя
наштё?»
Говорит Настасья дочь Викулишна:

135 «Ой еси, Перемёт сын Васильевич,

211

Вечор я ходила во торговищо,
Купила я тебе ведь шапоцьку,
Шапку купила ведь да и с рукавками,
На людях вижу — на тебе, сударь, люблю».

140 Перемёт—то по горенке похаживат.

Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибаитце,
Из кольца в кольцо извиваетце,
Яснешенько везде высматриват.

145 Увидел он да под кроватоцкой,

Под кроватоцкой лежат да сапожецки,
Сапожки лежат да со чулоцками.

— «Это што у тебя поштё и это што у тебя
наштё?»

— «Ой, Перемёт—от сын Васильевич,

150 Вечор я ходила во торговищо,

Купила я тебе уж сапожецки,
Сапожки купила и с цулоцками.

На людях вижу — на тебе, сударь, люблю».

Перемёт—от по горенке похаживат,

155 Сабелькой в пол подпираетце,

Да сабелька изгибаетце,
Из кольца в кольцо извиваетце,
Яснешенько везде высматриват.

Увидел он ведь на кроватоцке,

160 На кроватоцке да лёжит молодец.

Ставал—то Чурило с кроватоцки,

Да падал ему он во резвы ноги:

«Да здравствуй ты, брателко названной мой».

Говорит Перемёт—от таково слово:

165 «Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,

Да ране тебе я уж сказывал,

Доселе знать я тебя уговаривал,

Што не знайся ведь, Чурило, с моей женой,

Доведёт жена ведь до гибели».

160 Не ясён сокол как крылом махнул,

Махнул крылом да крылом правым же,
 Махнул Перемёт да саблей вострою
 По той по шее по Чуриловой
 (*Голову отсек*).

Говорит тут Настасья дочь Викулишня:

212

175 «Где белу лебедю лежать,
 Тут и белой лебёдушке».¹
 Говорит Перемёт таково слово:
 «Да я вашей заповеди не рушаю».
 Не ясен сокол да как крылом махнул,
 180 Махнул крылом да крылом правым же,
 Махнул Перемёт да саблей вострою
 По той по шее по Настасьиной.
 Он тут служанку взамуж взял за верность.

17

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Жил—то Добрыня во Нове—городе,
 Да три годы Добрыня жил — чапнищал,
 Три годы Добрыня жил — стольнищал,
 Три годы Добрыня жил — приворотнищал.
 5 Прошло того времени двенадцать лет,
 Захотелось Добрынюше по городу пройти,
 Да взял—то он свой тугой лук,
 Ведь тугой лук да калену стрелу,
 Увидел он на терему два голубя сидят,
 10 Захотелосе Добрынюше подстрелити.
 Натягивал Добрыня свой тугой лук,
 Полетела стрела по—метусову,²
 Залетела поганому в окошечко,
 Распорола она ему черны груди
 (*Тут нечистый жил с Маринкой*).
 15 Да та ли Маринка зла Кайдаловна,

¹ Стихи 175—176 сказаны, а не спеты.

² Криво.

Злая еретица безбожница,
Румянами—белилами намазаласи,
Да до поеса в окошко забиваласи:
«Кто это шутки шутил, да во игрушки играл?
20 Да надо с рук свести, надо с ног стрести».
Да увидела Добрыню со тугим луком,
Да скрала у Добрыни три следоцика,
Да не может Добрыня от двора отойти.

213

Говорит она да таково слово:
25 «Ой еси ты, Добрыня Никитич млад,
Ты возьми меня теперь во замужество.
Если не возьмёшь меня да во замужество,
Оберну я тебя туром о чисто поле,
Ведь есть у меня в поле девять туров.¹
30 Ты же тур будешь десятый,
Ты же будешь посвирёже всех»²
(Да стала, стращатъ Добрыню—то).

Она обернула его.

Как узнала Добрынина матушка,
Как приходит к Маринке Кайдаловне,
Злой еретице безбожнице.
35 — «Да ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
Оберни Добрыню в добры молодцы!
Если не вернешь Добрыню в добры молодцы,
Оверну я тебя ведь сукою
По подъезде со псами волочитесе».
40 Нечему тому Маринка не варуёт.
Говорит Добрынина матушка:
«Да ой еси, Маринка Кайдаловна,
Да злая еретица безбожница,
Оверни Добрыню добрым молодцом!
45 Не свернешь Добрыню добрым молодцем,
Оверну я тебя ведь кобылою
(Тоже страшат)

¹ Этот стих не спет, а сказан.

² Тоже.

На весь Новгород воду возить».
Ничему тому Мариака не варуёт
Тут—то Добрынина матушка
50 Сделала обрученье великое —
Взять—то Маринку во замужество.
Овернула Маринка Добрыню добрым молодцем.
Говорит тут Добрынина матушка:
«Хош возмёт—то Добрыня во замужество,
55 Он даст три поученьи великия».
Взял—то Добрыня во замужество,
Говорит тут Добрыня таково слово:

214

«Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
Да злая еретйца безбожница!
60 Туша—то твоя да мне—ка надобна,
Да ноги—то твои мне не надобно:
С поганым Издолицом заплеталиси,
Да нечистого духа нахваталаси».
Отсек он по колена ноги ей.
65 Говорит тут Добрыня таково слово:¹
«Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
Зла еретйца безбожница!
Тело—то твоё мне—ка надобно:
А руки—ка мне твои не надобны.
70 Со поганым Издолицом обнималась,
На нечистого духу нахваталась».
Отсек ей по локот руки.
Говорит—то Добрынюша таково слово:
«Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
75 Злая еретица безбожница!
Туша—то твоя мне—ка надобна,
Губы мне твои—ка не надобны:
Ты с поганым Идолицом целовалась,
На нечистого духу нахваталась».
Отсек губы и с носом у ей
(Изуродовал он, да...),

¹ Отсюда и до конца не пел, а сказывал, сославшись на усталость.

Вывел он жеребчика неезжанного и нелегченного,
Привезал он Маринку за хвост,
Жеребец убежал и Маринку унес.

18

ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМИРА

Что во славном во городе во Киеве,
Да у ласкова у князя у Владимира,
Да было пированье—столованье,
Был—то у его почестен пир.

5 Да все на пиру да напивались,

215

Да все на пиру да наедались,
Да все на пиру да приросхвастались.
Богатый ле хвастат золотой казной,
Да сильней—то хвастат в поли выслугой,
10 Сонливый хвастат коньми добрыми
*(Ведь о конях тоже забота надо: раньше
вставать, да поить; да кормить—то и кони добры),*
Да мудрый—то хвастат старой матерью,
Да глупый—то хвастат молодой женой
(Женой нельзя и похвастать?),
Да бедный—то хвастат детьми малыма.
*(У меня детей много, уж я детьми буду
хвастать.)*

Владимир—от князь по гриденке похаживат,
15 Сапог о сапог да поколачивает,
Перстенёк о перстенёк да принащолкиват,
Да сам говорит да таково слово:
«Да все вы, бояра, нонь пожонены,
Да все вы, бояра, нонь повенчены,
20 Да я ли князь не женат живу,
Не женат—то живу да я холост хожу.
Не знаете ли вы кто мне поединщицы,
Не знаете ли супротивщицы?
Статным бы статна, полна возраста,
25 Косой бы руса да и лицём бы бела,

Сквозь платье бы тело у ей видно же,
Да сквозь тело кости видны же,
Из кости в кость мозг переливалса жи?»
(Вишь ему кака надо!)

Старшой—от хоронится за среднёго,
30 А средний хоронится за младшого
*(Бояр было много — хвастали, князь стал
говорить, и все замолкли),*

А от младшого долго и ответу нет.
Из—за того из—за стола из—за дубового
Вставал молод Потык сын Михайловиц,
Да он говорит—то он таково слово:
35 «Ой еси, батюшко Владимир князь,
Не позволь ты меня да казнить—вешати,
Позволь ты мне слово молвити.

216

Ездил я в землю Лихоимскую,
Там грабил короля шемахильского,
40 Там собирал я и дани и пошлины
За те же за двенадцеть лет,
Есь—то у короля три доцери,
Да перва—то доць есь Марья Семёновна,
Та ведь уж б.... да натуральная,
45 Да та ведь тебе не прилюбитце,
Да та ведь тебе не пондравитце.
Есь—то у короля вторая доци,
Да та Марина Семёновна,
Да та поленица зла удалая
*(До чего эти татары задорны! Ведь она красива
была,)*

50 Да та ведь тебе не прилюбитце,
Да та тебе не пондравитце.
(Вот он стал намечать ему невесту)
Да есь—то у короля треты—то доци,
Да та Апраксенья ведь Семёновна
(Апраксея или Ксения ведь всё равно),

Статным бы статні и полні возраста,
55 Косой—то руса и лицём бела,

Сквозь платье уж тело у ей видно же,
Сквозь тело кости у ей видны же,
Из кости ведь в кость мозг переливается..
Та ведь тебе бывает полюбитцэ,
60 Та тебе бывает пондравитцэ».
Наливал ведь тут князь да золоту чару,
Он и подносит Потыку сыну Ивановичу:
«Да ой еси, любимый племянничек,
Молод Потык сын Михайлович,
65 Выпей—ко у меня чару с вином».
Говорит тут Потык сын Михайлович:
«Еже не пить чару — огневить цяря,
А не гневить цяря — знать ехать».
А выпил чару, сам—от вон пошол,
70 Оседлал он своего добрі коня.

Он за себя привёз и за князя привёз. Он за
Апраксеньей Семёновной съездил и привёз. Он за себя
Марину Семёновну взял.

217

19 ПОТЫК

«Ой еси, Потык сын Михайлович!
Сыми с себя правой сапог,
Залей ты у меня ракитов куст,
Повынеси малых детоцек».

Он слез с коня, вода была недалёко.. Он сапогом куст
залил. Вот он поехал. Жёну взял. Король ее принудил
выйти замуж. Они ехали в пути, легли на отдых. Она
знающа ли была ли что. Он заснул богатырским сном.
Она обернула камнем. Когда она обернула его камнем,
змея вышел, отвернул Потыка и сделал снова удалым
добрым молодцем.¹

218

¹ Припоминания дальнейших эпизодов еще более смутные.